

ОПЬЯНЕНИЕ ВЛАСТЬЮ

Кира Влaдина

ШВЕДСКИЕ актеры охотно встречались со мной в кафе и даже приходили на свидание в гостиницу. С Эрландом Юсефсоном мы увиделись в холле отеля.

Может быть, это заслуга Эрланда Юсефсона. Простота и интеллигентность в сочетании с его имиджем (у одного Бергмана он снялся в двенадцати фильмах) обескураживают.

Глядя на вас, Г-н Юсефсон, трудно поверить, что вы любите командовать. И тем не менее десять лет своей жизни вы посвятили администрированию. Вы были директором Королевского театра?

— Да. Сначала около десяти лет я проработал в этом театре актером, а потом стал директором. С 1975 года я начал работать за границей. Очень хотелось увидеть извне, что представляет собой шведская культурная жизнь.

— Непонятно: творческий человек, талантливый актер, сценарист, писатель, режиссер стал администратором? Зачем вам это было нужно?

— В это же время я продолжал писать, работать режиссером и актером. Но для меня было заманчиво руководить театром. Я считаю, что администратор тоже творческая профессия. Меня интересует власть. Хотя я сознаю, что опьянение властью слишком длительный период в театре невозможно. В труппе много режиссеров, и один момент субъективности должен обязательно смениться другим.

— Работая в театре, вы прожили много «жизней». Какая из них кажется вам наиболее привлекательной?

— Не могу сказать, потому что мне не кажется, что это «жизни» разные. Я живу своей жизнью и воплощаю на сцене себя.

— Но Юсефсон везде разный! Значит, и жизни разные. Вас уже нет, есть образ, который вы создали.

— Будучи администратором театра, я тоже считал, что играю определенную роль. Для меня любая моя работа — это роль.

— А какая любимая?

— Мне очень нравилось «девать» Фауста. В этой роли я сам себя открыл и как артист, и как человек. Я люблю те роли, где могу быть сюрпризом для самого себя. Это для меня самая интересная задача. Мой опыт — и артистический и человеческий, расширился. Я случайно стал актером. У меня не было профессионального образования. Еще мальчиком я знал Ингмара Бергмана. С ним вместе мы начинали играть в театре.

— Разве вы дебютировали в театре? Я слышала, что впервые это было в кино.

— Я встретил Бергмана в 1939 году. Мне было шестнадцать, а тогда был еще школьником. А Бергман уже закончил школу. Мы оба были любителями и вместе ставили Шекспира. Бергман стал директором, а я актером. Сначала я играл на юге Швеции, затем в Гетеборге, а уж потом попал в Стокгольм. Мне всегда нравилось находиться на сцене, нравился сам процесс участия. Особое место в моей жизни занимает Шекспир. Я много его играл, особенно в 50-е годы. Ставили пьесы такие блестящие режиссеры, как Альф Сьюберг. И я получил огромный творческий заряд.

— Вы продолжаете работать в Королевском театре?

— Да, сейчас я участвую в пьесе Ибсена «Кукольный дом», играю доктора Ранке.

В жизни Юсефсон почти такой же, каким я увидела его в филь-

мах Тарковского. Возможно, не столь отрешенный, он раскован, это чувствуется по манере высказывать свои суждения предельно точно и своеобразно. Речь его лапидарна. Что он артист — видно сразу; ему нравится нравиться, и он этого не скрывает. В Эрланде подкупает детская непосредственность. Это не актерская черта, а черта его характера; его суть. Он прекрасен, воспитан.

— Эрланд, из какой вы семьи?

— Я из очень культурной буржуазной среды. Мой отец был драматургом и директором театра, где потом стал директором и я. Он руководил театром с 1948 по 1951 год. Брат моего отца был профессором истории искусств. Так что, можно сказать, я очень много получил бесплатно. Вы задали мне вопрос: моя любимая роль? Я должен сказать, что Астров в «Дяде Ване» и Гаев из «Вишневого сада» были самыми большими моими ролями. Правда, я никогда не играл Гаева на шведском языке, только на английском. Это было вместе с Питером Бруком в Нью-Йорке. Потом у нас были гастроли в Москве, Тбилиси и Ленинграде.

— Когда это было?

— В 1989 году.

— Ваш кинематографический путь исчисляется десятилетиями, и уже высказывается полувековая дата.

— Да, страшно слышать! — произнес он бесстрастным голосом.

— Как вам удалось сохранить себя, Эрланда Юсефсона?

Напрасно я ждала ответа от актера, сказавшего так много своим работам и определившего свое место в мировом кинематографе.

Эрланд сделал несколько глотков кофе и посмотрел на меня отрешенным взглядом. После затянувшейся паузы я спросила:

— Вы работали с такими великими людьми, как Бергман, Уно, Тарковский. Режиссеры разные. И вместе с тем в них есть что-то общее. В чем оно?

— Они всей душой любят фильм, который делают. Но общее ядро — большое уважение к работе, абсолютное чувство уважения к себе и к той теме, которую они раскрывают, что сейчас так редко на Западе.

— Да, в этом отличие больших художников, они лишены самовлюбленности, они влюблены в свое дело.

— А во всем остальном они очень похожи друг на друга.

— Когда я смотрела работы Тарковского, у меня было ощущение, что он как мастер сформировался под влиянием Бергмана.

— Да, он и сам так считал. Он отлично знал фильмы Бергмана. А Бергман очень уважал Тарковского.

— Странно. И вместе с тем не проявил желания познакомиться лично.

— Они никогда не встречались. Тарковский всегда об этом очень сожалел. Он снимал фильмы на темы, которые близки Бергману, а последний фильм он снимал в 200 метрах от дома, где живет Бергман, но Бергман пугало то, что он не мог с Андреем разговаривать непосредственно без переводчика.

— Все это напоминает мне наших великих русских классиков — Толстого и Тургенева.

— Бергман и Тарковский очень хотели встретиться, но Бергман все время создавал трудности. В конце концов, когда все время откладывается встреча, то она обретает такое значение и такую важность, что осуществить ее становится практически невозможно.

— У вас нет ощущения, что сложности, которые создает Бергман, идут от его гениальности? Правда, не принято при

жизни человека говорить, что он гений. Но о Бергмане, наверное, можно.

— Конечно, обязательно, безусловно!

— Наверное, поэтому его подступки часто для нас, обычных людей, необычны.

— Согласен с вами.

— Очевидно, постоянное уклонение самых простых вещей — это и есть сам Бергман, его стиль работы и есть необычайная ткань его творчества.

Скажите, а с кем вам интереснее было работать — с Тарковским или с Бергманом? И кто из них ближе вам по духу?

— Это невозможно объяснить. Очень много значит, что у нас с Бергманом одна культурная среда, прежде всего мы говорим на одном языке. Другой гений — Тарковский — стимулировал меня на совершенно противоположное явление. Я получил огромный опыт: другую историю, другой язык, совершенно непохожий на мой родной, другую религию. Мне хотелось попробовать выразить себя в его работах. Это была потрясающая встреча, огромная по своей значимости. Через работу в картинах я вошел с ним в глубокий человеческий контакт, хотя языка его и не понимал.

— А как же вы объяснялись?

— Мы немного могли объясняться на итальянском. У нас был переводчик, но когда ты работаешь над такими картинами, как «Ностальгия» или «Жесткоприношение», то кажется, что прекрасно понимаешь другого человека, не обладаешь языковыми знаниями. Как много человек может выразить, если только смотреть на него! Если я разговариваю с человеком, язык которого я понимаю, я могу смотреть по сторонам. А при разговоре с человеком, язык которого мне неизвестен, я слежу за каждым его взглядом, каждой улыбкой.

— Как случилось, что Тарковский пригласил вас?

— Я находился в Италии и делал фильм, мне позвонил мой агент и сказал, что Тарковский хотел бы меня пригласить работать. Когда меня спросили, хочу ли я прочитать сценарий, я ответил, что нет, но очень хочу сниматься — независимо, какой сценарий. Я в то время снимался у Люциано. А они с Тарковским знали друг друга, потому что Люциано был президентом Венецианского кинофестиваля, а Тарковский — членом жюри. Люциано организовал все так, что я смог одновременно сниматься в двух фильмах. Я встретился с Тарковским и напомнил ему, что несколько лет назад, когда он был в Стокгольме с премьерой «Сталкера», я пожал ему руку и сказал, что это чудесный фильм. Когда мы встретились в Италии, Тарковский напомнил: «Именно поэтому я пригласил тебя сниматься. Мне кажется, что никогда прежде я не видел человека, который одновременно мог быть таким наивным и таким сумасшедшим». Мне это очень понравилось, потому что я всегда вынужден был создавать интеллектуальные персонажи, правду с помешательством в душе.

— Он был тяжел в общении?

— Он был русским человеком. Для меня остался загадкой его ответ, но попросить расшифровать я не решилась.

— Не мешают ли вам ваши разносторонние таланты: писатель, актер и режиссер?

— Возможно, но я не отдаю себе в этом отчет. Я считаю, что прожил идеальную жизнь. Как писатель я управлял собой сам, актер же должен подчиняться.

— В роли сценариста вам помогает ваш актерский талант? Ведь вы как актер живете жизнью своих героев, делая их более полнокровными. Так же вам должно помогать и ваше режиссерское дарование, потому

что вы видите весь сценарий полностью.

— Знаете, я написал много романов. И иногда происходит: я не дописываю то, что должен сказать персонаж, потому что думаю, что это скажет актер. И потому я предпочитаю играть. Настоящей режиссерской жилки у меня нет. Видимо, я слишком актер, чтобы иметь настоящее режиссерское видение, особенно когда речь идет о театре.

— Когда вы испытывали большее удовлетворение: когда вы делили вашу новую книгу, премьеру фильма или спектакля? В театре вы не видите себя со стороны.

— Ощущения совершенно разные: работа над фильмом очень забавна, но я не люблю себя на экране. А почему, не могу объяснить.

— Разочарование?

— Нет, отчуждение, возникает какое-то раздвоение.

— Когда вы смотрите на себя на экране, не создается ли у вас ощущение, что это ваш ребенок, который обрел самостоятельную жизнь?

— Возможно, именно так. Но чувство очень сложное: одновременно являешься и субъектом, и объектом. Это забавно,

когда играешь, но неприятно, когда смотришь. От книги я получаю удовлетворение как от предмета, на который можно смотреть, его можно держать в руках, но не читая ее еще раз, как и не пересматривая свои фильмы. Сцена для меня — это место, где можно высказать самые сокровенные чувства. Ведь это очень таинственно: ты даешь представление в сороковой раз и вдруг находишь совершенно новое решение, от чего меняется абсолютно все. Даже когда представление повторяется очень часто, каждый раз это что-то новое.

— Что вам доставляет особую радость?

— Когда получается созвучие, гармония, когда исчезают противоречия и мы все поем песню в едином хоре. Есть такие мгновения, которые являются чудом. Я не знаю, как это называть.

Вы вообще человек гармоничный?

— Я очень люблю гармонию. Но нужно, чтобы она была заряжена конфликтами и сложными ситуациями.

— А как вы выходите из конфликтов?

— Плохо. Я боюсь конфликтов. Вот почему я стал директором театра: я знал, что нельзя прожить без конфликтов. Мне надо было учиться. Швеция — это страна, которая очень любит консенсус. Это накладывает свой отпечаток. Мы боимся конфликтов. Любая ссора для нас — это навсегда.

— А как в семейной жизни? Ваша супруга актриса?

— У меня почти все жены актрисы.

— Как понять «все»? Что значит «все»?

— У меня дети от трех женщин: три сына и две дочери. И все они посвятили себя искусству. Мы с детьми очень близки. — Сейчас вы женаты?

— Нет.

— А собираетесь?

— А что, есть предложение? — произнес он совершенно серьезно, и я смутилась.

— У вас есть мечты, которые вы не успели реализовать?

— Я считаю, что во многом получил то, чего хотел. Но, думаю, что нет такого человека, который не переживал бы неудачи.

— Без неудач нет радости побед. Вас это мучает?

— У меня обыкновенная шведская совесть.

— Что это значит?

— Это значит, что все время думаешь о людях, которых ты предал, думаешь о своих близких, о том, что ты каким-то образом отличаешься от своих детей, о том, что ты плохо жил. Бергман обычно называет Швецию страной стыда.

Мне очень повезло. Кажется, удалось проникнуть в шведскую душу, а там не только мужество и гордость.

Это особый вид совести, которая мучает и причиняет боль, вызывая стыд за избалованность благосостоянием, за опьянение властью: драматурга над персонажем, режиссера над актерами и просто мужчины над женщиной, которая его любила. А время властвует над любой властью. В этом и состоит момент истины — сказал Юсефсон и поцеловал мне руку, глядя в пространство.